

Глава 1

*Йорк, Верхняя Канада.
Сентябрь 1816 года*

Когда в компании выпивающих мужчин вдруг устанавливается напряженная тишина, жди неприятностей.

Саймон Сент-Брайд, игравший в вист в доме д'Арси Боултона, не замечал ни гомона партнеров, ни дыма глиняных трубок и сигарилл. Когда же наконец стихли беззаботные голоса, он сразу насторожился — особенно после того, как Боултон, бросив взгляд куда-то ему за спину, пробурчал:

— Явился, чертов оригинал. Если тебя это интересует. Ланселот Макартур.

Саймон живо представил себе облик этого чиновника из Бюро по делам индейцев: пухлый, краснощекий, с копной черных кудрей, густо смазанных помадой, с пронзительными близко посаженными темными глазами... Жилет на нем был кричащего цвета, воротник — слишком уж высокий, медные пуговицы — слишком большие, но при этом он считал, что одевается с отменным вкусом.

Саймон ни секунды не сомневался: Макартур разворовал казенные деньги на все эти безвкусные излишества. Годами этот человек лгал и изворачивался, растрачивая средства, выделяемые индейским племенам в награду за участие в минувшей войне* на стороне Британии.

* Имеется в виду англо-американская война 1812 г. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Саймон специально задержался в Верхней Канаде, чтобы откопать доказательства, обличающие растратчика. Он уже собрался уезжать, но несколько дней назад его предупредили: до Макартура якобы дошли слухи о его расследованиях. За дружеским предупреждением он расслышал и другое: «Убирайся в Англию к своим аристократам, там твое место».

Выходит, Макартур намеренно нарывался на неприятности. Но с какой целью? И как ему, Саймону, на это реагировать?

Почти все джентльмены, собравшиеся у Боултона, были просто его случайными знакомыми; к тому же Саймон понимал, что большинство из них поддержит любые меры — только бы вытеснить индейцев на обширные западные территории, освободив место для обустройства и процветания англичан.

— По-моему, масть. — Саймон выложил перед собой пять трэф. Капитан Фарли, сидевший слева от него, разыграл свои карты, и игра продолжилась.

Вскоре разговоры возобновились, но внимание Боултона по-прежнему занимало то, что происходило за спиной у Саймона. Тот же прекрасно знал, что Макартур с удовольствием вонзил бы ему нож в спину, если бы мог. Были и другие, которые хотели бы ему отомстить за причиненные «неудобства», но у них не имелось для этого нужных связей в Англии. А у него, у Саймона, такие связи имелись. Он, Сент-Брайд из Брайдсуэлла, состоял в близком родстве с графом Марлоу и в дальнем — почти со всеми титулованными особами Британии. К тому же у него были могущественные друзья, например граф Чаррингтон, виконты Эмли и Миддлторп, а также маркиз Арден, наследник герцогства Белкрейвен.

Иными словами, он был человеком слишком знатного рода и слишком влиятельным, так что его убийство не осталось бы безнаказанным для жителей Йорка.

По крайней мере он очень на это надеялся.

— Не стоит сплетничать о даме, Макартур, — послышался вдруг чей-то голос.

— Да-да, конечно, — тут же отозвался Макартур. — Но все-таки чертовски странно, что молодая красивая дама не танцует на балах и даже не ходит на музыкальные вечера.

— Ходи же, Саймон... — проворчал Боултон. Сообразив, что задерживает игру, Саймон бросил карту и тут же снова задумался. Насмешливое замечание Макартура, судя по всему, относилось к Джейн Оттерберн. Но чего же этот мерзавец добивался?

Восемнадцатилетняя Джейн Оттерберн была племянницей Исаяи Тревитта, друга и наставника Саймона. В прошлом году, осиротев, она переплыла Атлантику и теперь жила со своим дядей. Воспитанная в пуританском духе, она была чрезвычайно скромна, и даже трудно было представить, что такая девушка могла бы стать участницей какого-либо скандала.

— Да, в трауре, — сказал Макартур в ответ на чье-то замечание, — но год уже прошел. В августе, кажется.

— Очень скромная девочка. Полагаю, в этом нет ничего плохого, — говорил добродушнейший майор Тернбулл. — Хотел бы я, чтобы мои девочки были такие же почтительные и смирные.

— Вероятно, ваши милейшие дочери могли бы уговорить мисс Оттерберн выйти в люди, — продолжал Макартур.

— Они пытались, — отвечал майор, — но им не удалось ее уговорить. Впрочем, это личное дело самой мисс Оттерберн, — добавил Тернбулл.

— Но она ведет себя совершенно неестественно, — заявил Макартур, и в комнате снова воцарилась тишина. — Не проявлять интереса к невинным удовольствиям? Не заинтересоваться молодыми красивыми офицерами и прочими галантными джентльменами, желающими привлечь ее внимание?

Саймон невольно нахмурился. Порядочный человек, конечно же, должен был дать этому субъекту достойный ответ, должен был поставить его на место, но ему не хотелось привлекать излишнее внимание к словам Макартура.

— Возможно, это и хорошо, что мисс Оттерберн не приняла предложение ваших милых девочек, — заметил Макартур. — В конце концов, что мы о ней знаем, кроме того, что рассказал Тревитт? Принять его рассказы за чистую монету? А может, она ему не совсем племянница?..

Саймон стремительно поднялся на ноги, громыхнув стулом.

— Черт возьми, что за инсинуации, Макартур?!

— Мой дорогой Сент-Брайд, что, собственно, вызвало у вас такой гнев?

Саймон окинул взглядом комнату. Если сейчас он сделает неверный ход, репутация Джейн... превратится в кучу навоза. Стараясь держать себя в руках, он проговорил:

— Разумеется, ваши слова про чистую монету. Как вы смеете обвинять Исайю Тревитта в воровстве, сэр?! Впрочем, думаю, эта тема весьма актуальна для Бюро по делам индейцев.

Макартур тоже встал. Его и без того красное лицо побагровело.

— Какого черта? Что вы хотите этим сказать, сэр?

Саймон видел надвигающуюся опасность, но пришло время опрокинуть столы. И перейти к открытому скандалу.

— В Бюро по делам индейцев поступают значительные суммы, но они почему-то никогда не доходят до племен. Странно, не правда ли? И при этом некоторые чиновники из этого Бюро живут на удивление хорошо, что тоже весьма странно.

Все присутствующие молча смотрели на Саймона. Он же вбил последний гвоздь.

— У вас пять новых домов, Макартур. Откуда?

Макартур смертельно побледнел и, задыхаясь, выкрикнул:

— Вы лжете!

— У вас нет пяти домов? Приношу самые искренние извинения. Очевидно, виноват архитектурный отдел...

— Я не о том, черт возьми! — взревел Макартур. — Назовите вашего секунданта!

Саймону пришлось сделать над собой усилие, чтобы не ухмыльнуться. Возможно, Макартур с самого начала добивался дуэли, надеясь убить врага, но ведь теперь получалось, что ему придется сражаться за свою несуществующую честность...

Вероятно, Макартур сообразил это, но было поздно. И сейчас он выглядел так, будто преспокойно вышагивал по улице — и вдруг провалился по шею в трясину. Было совершенно ясно — чем бы ни кончилась дуэль, вскоре на положение индейцев в Верхней Канаде обратят внимание, а собранные Саймоном доказательства поплывут в Англию — хоть с Саймоном, хоть без него.

Саймону, однако, требовался секундант. Боултон же не очень-то подходил на эту роль, так как участие в дуэли могло бы поставить его семью в сложное положение. Фарли был женат, поэтому тоже отпадал. А вот капитан Нортон, не имевший намерения надолго задержаться в Канаде...

— Могу я на вас рассчитывать, Нортон? — спросил Саймон. Капитан вздрогнул, но все же кивнул:

— Да, разумеется.

— А вы, Делахей, что скажете? — Макартур взглянул на сидевшего рядом с ним офицера.

Лейтенант Делахей, один из друзей Макартура, тут же согласился.

Разговоры возобновились, но теперь все говорили гораздо тише, чем прежде.

Саймон с Нортоном отошли в сторону.

— Если он возьмет обратно свои слова про Джейн Оттерберн...

— Дело не в ней, — перебил Саймон.

— Да, конечно. — Нортон поморщился. — Но может быть, вы откажетесь от своих обвинений? Или, может, он вас неправильно понял?

— Нет. Но если он пожелает отменить вызов, то я не буду настаивать.

Нортон вздохнул.

— Пистолеты? На двенадцати шагах?

Саймона больше устроила бы схватка на кулаках, но он согласился. Раньше ему не приходилось драться на дуэлях, но правила он знал.

Он был метким стрелком, но, возможно, Макартур тоже, раз подстрекал его к дуэли. Пожав плечами, он собрался уходить, но Макартур был уже в дверях, а Саймону не хотелось выходить из дома с ним вместе. Он подошел к камину и, снова окинув взглядом комнату, вдруг заметил, что все отводят глаза — никто не желал с ним заговаривать.

Минуту спустя все поднялись, словно по команде, и стали расходиться — вероятно, спешили разнести новость по городу. Значит, через полчаса в городе узнают о дуэли и о ее причине — растрате Макартуром казенных денег. И конечно же, начнутся разговоры — о Макартуре, об индейцах, о местных политиках, о доходах, а также о видах на урожай. И разумеется, будут ругать его, Саймона Сент-Брайда, который лезет не в свое дело.

Достанется и Макартуру, потому что никто не поверит, что Джейн — любовница Исаяи. Или, может быть, кто-то поверит?

«Черт бы побрал этого мерзавца! — думал Саймон, глядя на пылавшее в камине пламя. — Но и Джейн следовало бы отчитать за то, что она не такая, как все».

Но ее, конечно, можно понять... Смерть матери, утомительное путешествие через Атлантику... К тому же во время плавания умерла ее кузина, которая была ей как родная сестра. И в довершение всех бед она прибыла в Канаду в ноябре, накануне суровой зимы.

Что же удивительного в том, что она отказывалась кататься на коньках и санях? А траур, вероятно, служил поводом не ходить на балы и ассамблеи. Однако к Пасхе погода улучшилась, а Джейн по-прежнему отказывалась от всех приглашений.

Исайя с радостью одел бы ее в самые лучшие и дорогие наряды и представил бы здешнему обществу. Пусть он и начинал судовым плотником, но добился успеха и был принят в свете. А такая красивая девушка, как Джейн, могла бы сделать отличную партию. Хотя Йорк стоял в дикой местности и насчитывал не более тысячи жителей, он все же являлся столицей Верхней Канады, и здесь было немало молодых людей из хороших семей.

Но Джейн жила монашкой. Она и одевалась как монашка — в скучные темные платья и белый капор. И все-таки унылая одежда не могла скрыть ее прекрасную фигуру, огромные голубые глаза и пухленькие чувственные губки. И сколько она ни старалась, чудесные золотистые кудри постоянно выбивались из-под капора.

Ни один мужчина не оставит без внимания такие достоинства, а подчас даже будет предаваться фантазиям, чем и занимались все мужчины Йорка, создавая благодатную почву для измышлений Макартюра.

К камину подошел Нортон.

— Завтра на рассвете, — сообщил он. — Элмсли-Фарм.

Поблагодарив капитана, Саймон направился к двери. Нортон, Фарли и майор Тернбулл вышли вместе с ним. — Составим вам компанию, Сент-Брайд.

Было совершенно очевидно: если бы Макартур задумал пристрелить его по дороге, он не стал бы добиваться дуэли. Но Саймон все же решил, что спорить не стоит; на темных и узких улочках имелось слишком много укромных мест для засады, поэтому следовало проявлять осторожность.

Они говорили о погоде, о том, что в этом году, наверное, рано замерзнет река Святого Лаврентия, отрезавшая

Йорк от Атлантики и Британии на четыре-пять месяцев в году. Обсуждали также свадьбу принцессы Шарлотты и многое другое, однако о дуэли не обмолвились ни словом.

Возле дома Саймон поблагодарил офицеров за компанию и, повернувшись к Нортону, сказал:

— Вы не могли бы уговорить Плейтера присутствовать в качестве врача?

Капитан кивнул:

— Да, я уже думал об этом.

При этих словах секунданта у Саймона похолодело в груди. Армейский хирург Плейтер имел обширный опыт, причем сталкивался не только с огнестрельными ранениями, но и производил ампутации.

Увечья Саймон боялся больше, чем смерти. Глупо, конечно, но тут уж ничего не поделаешь. Страх возник после того, как два года назад его друг, майор Хэл Боумонт, потерял в бою руку. Саймон сделал для Хэла все, что мог, но был не в силах преодолеть постыдный, тошнотворный ужас.

Некоторые офицеры после подобных увечий продолжали служить, однако война уже подошла к концу, и Хэл продал свой патент. К счастью, он имел независимый доход, завещанный дядей, но, возможно, все равно не оставил бы службу, если бы не почувствовал, что уже не способен выполнять свой армейский долг.

Саймон вошел в дом; там было тихо, только часы тикали. Хотя Исаяя считался весьма богатым торговцем, даже ему было трудно найти в городе слуг — особенно мужчин, — которые стали бы жить при доме, когда вокруг имелось столько доступной земли, соблазняющей, как пение сирен.

У Исаяи были две молодые горничные, древняя кухарка, она же домоправительница, миссис Ганн, и молодой парень Том, следивший за лошадьми. Над конюшней жил старый друг хозяина, одноглазый плут по имени Сол Прити, он ухаживал за садом, когда имел желание.

Том и горничные жили у себя и только приходили в дом Исайи, а миссис Ганн находилась при кухне, соединившейся с домом переходом — нелишняя предосторожность на случай пожара в городе, почти сплошь застроенном деревянными домами.

Исайя так и не сумел подыскать подходящего камердинера, и даже его секретарь Солтер в конце концов сбежал и обзавелся собственным «поместьем».

Саймон понимал, что несправедливо насмехаться, когда сам являешься наследником настоящего поместья, — но сколько он видел таких полных надежд поселенцев, которые теряли свои дома, а потом обвиняли индейцев!

Он мысленно перенесся в свой прекрасный Брайдсуэлл, старинный каменный особняк, расположенный в холмистом Линкольншире. Неподалеку от поместья находилась чудесная деревушка Монктон-Сент-Брайдс — такая уютная и живописная в отличие от этого канадского городка. Ох, как же давно он не был дома...

Саймон едва не задохнулся при мысли, что может больше никогда не увидеть Брайдсуэлл. Он уехал отсюда четыре года назад, часто скучал, но никогда, даже когда отбивался от американцев, и вообразить себе не мог, что вообще не вернется домой.

Может, это предчувствие?

Саймон помотал головой, словно отгоняя тревожные мысли, и, усевшись на стул, принялся снимать сапоги и кожаный армейский жилет. Потом взял свечу, горевшую под стеклянным колпаком в ожидании его прихода, и невольно улыбнулся. Джейн постаралась... При всех своих странностях она была прекрасной хозяйкой. В последнее время холостяцкий приют Исайи приукрасился, появились цветы и ароматические сухие смеси из цветочных лепестков, сменилась полировка для полов, и они стали ярче блестеть.

Поднимаясь наверх, Саймон чувствовал запах Джейн — запах, напоминавший об английской весне.

Впрочем, сейчас ему следовало подумать совсем о другом... О завещании, а также о письмах Исайте и родителям.

О господи!..

Открылась ближайшая дверь. На пороге стояла Джейн Оттерберн. Она была в ночном чепце, завязанном под подбородком, и в длинном зеленом халате, из-под которого только на рукавах и по вороту выглядывали кружева ночной рубашки.

Почему же она кажется ему такой... недетой?

— Добрый вечер, — пробормотал он с некоторым раздражением в голосе. — Что-то случилось?

О боже, неужели она уже узнала?

Джейн чувствовала себя так же неловко, как и он.

— Исайте стало плохо, — прошептала она. — Еще один приступ лихорадки. Но он отказался послать за доктором Болдуином. — Она прикусила губу. — Извините, не надо было вас беспокоить. Извините...

Он напомнил себе, что Джейн — всего лишь восемнадцать.

— Если к утру ему не станет лучше, мы этим займемся, — ответил Саймон и тут же мысленно добавил: «Если, конечно, я буду жив».

— Да, спасибо... Приятно провели вечер?

— Терпимо. Спокойной ночи, Джейн.

— Спокойной ночи, Саймон.

Он осторожно прошел мимо двери Исайи и направился в свою просторную комнату в задней части дома. Кровать, стоявшая в алькове, на день закрывалась шторой, отчего комната приобретала вид гостиной. Иногда Саймон принимал здесь приятелей, хотя чаще делал это внизу. Исайте нравилась молодежная компания.

Переступив порог, Саймон осмотрелся. Как всегда, приветливо пылал камин, а возле него стоял кувшин с водой, накрытый для сохранения тепла. Странно было думать, что, возможно, сегодня ему в последний раз предстоит спать в этом доме, умываться, чистить зубы...

Саймон вздрогнул при этой мысли и налил себе бренди. Сделав глоток, сел к столу, чтобы написать завещание и письма. Хотя он являлся наследником Брайдсуэлла, в настоящий момент ему принадлежали только кое-какие личные вещи и скромная сумма денег, еще остававшаяся от отцовского обеспечения. Так что с завещанием он управился быстро.

Писать Исае оказалось труднее, так как было ясно: рано или поздно тот узнает о причине дуэли и сочтет себя виновником произошедшего. Саймон долго раздумывал и в конце концов просто написал благодарственное прощальное письмо, в котором делал упор на то, что избрал дуэль как способ разоблачить растратчика.

Самой тяжелой задачей было письмо к родителям. Он никак не мог к нему приступить.

Родители очень старались уберечь его от всевозможных неприятностей. Семейство Сент-Брайдов всегда держалось поближе к дому, то есть к Линкольнширу. Годами здесь благополучно жили поколения Сент-Брайдов, жили большими семьями, но Саймону такая жизнь казалась муравейником. Он хотел сражаться с Наполеоном, как его друзья Хэл Боумонт, Кон Сомерфорд и Роджер Меррихью, но мать закатила истерику, а отец заговорил об ответственности Саймона как старшего сына. Выходит, его братья, Руперт и Бенджи, не несли никакой ответственности?

В конце концов ему разрешили занять должность секретаря при лорде Шепстоуне — тот отплывал в Канаду, чтобы по возможности уладить разногласия между Канадой и Америкой. Конечно, оставался некоторый риск — путешествие по морю, — но считалось, что Саймон отправлялся не на войну. Когда же американцы вторглись в Канаду, долг призвал его взяться за оружие. Несмотря на неизбежные ужасы войны, Саймон ею упивался, а потом, когда британцы отбили нападение, он был глубоко возмущен тем, как его соотечественники обходились со

своими союзниками-индейцами. И он остался, чтобы вступить в новую войну...

Сообразив, что просто тянет время, обдумывая письмо родителям, Саймон решительно обмакнул перо в чернильницу. И тотчас же представил, сколько слез будет пролито дома, если завтра на рассвете его убьют.

Письмо вышло коротким. Да и что он мог написать своим родителям? Только то, что очень любит их и благодарит за заботу. Заканчивалось же письмо так: «Все, что есть во мне хорошего, я получил от вас, мои дорогие родители. А любую глупость следует, разумеется, отнести к цвету волос Черного Адемара».

А потом он вдруг задумался: не будет ли семейная шутка дурным тоном? Но какой тон может быть верным в таком письме? К тому же это чистейшая правда.

Большинство Сент-Брайдов не находили никакого удовольствия в приключениях, но на дальних ветвях фамильного древа притаился Адемар де Брак.

Адемар жил в тринадцатом веке, был младшим сыном обнищавшего рыцаря и сделал себе имя и состояние в крестовых походах, а также на рыцарских турнирах. Безусловно, он заслуживал прозвище Черный Адемар за многие свои гнусные поступки, но второе его прозвище — Дьявол — происходило от того, что у него на голове среди рыжих волос пробивались черные.

Такую же «дьявольскую» гриву Саймон видел, когда смотрел в зеркало.

Говорили, что этот признак мог поколениями таиться в засаде, но когда выскакивал, то родители знали, что получили кукушку в гнездо: такой Сент-Брайд становился бездельником, причем в лучшем случае. Увы, у его несчастных родителей появились два таких ребенка. Когда родилась девочка, они посмотрели судьбе в глаза и назвали ее Адемарой. Поведение Мары пока что не вызывало нареканий, но ей было всего лишь восемнадцать...

Саймон не стал вычеркивать семейную шутку и, под-писавшись, запечатал письмо. Потом вдруг сообразил, что должен еще кое о чем позаботиться — о собранных им уликах (происходило множество всевозможных нарушений по отношению к индейцам, например нарушение обещаний и приобретение обширных земель за бесценок). Имелись и другие свидетельства обманов и даже преступлений, совершенных Макартуром и его помощниками. Некоторые документы были подписаны и заверены людьми, позднее ушедшими из жизни при загадочных обстоятельствах. Другие являлись копиями загадочных посланий, которые предстояло тщательно изучить. Саймон был уверен, что ссылки на «деньги» и «землю» на деле означали определенных людей в администрации и воинском начальстве, но не мог расшифровать код.

Если его убьют, бумаги следовало доставить в Англию, но кому их можно доверить? Исайя болен. Приятели, возможно, не захотят ссориться с Макартуром. Вице-губернатор Гор, глава местной администрации, — человек честный, но и у него может возникнуть искушение похоронить дело, сулящее неприятности.

Саймон подумал было о Джейн, но тут же сообразил, что этот груз слишком тяжел, чтобы его взваливать на плечи молоденькой девушки. В конце концов он распечатал письмо к Исайте и сделал приписку — попросил позаботиться об этом деле. Даже больной, Исайя знает, что делать.

Затем он проверил и почистил пистолеты — хоть и не дуэльные, но очень надежные. Саймон надеялся, что можно будет воспользоваться этим оружием. А если у Макатура найдется своя пара, они подбросят монету. Потом он налил себе еще бренди и сел перед затухавшим камином.

Полчаса спустя Саймон лег спать.